

УДК 340.111

Значение принципов правопонимания для современного российского права

Володин Кирилл Альбертович, студент, Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

lliriknidolov@gmail.com

Аннотация: В данной статье автором рассматриваются основные типы правопонимания. Особое внимание уделяется легистскому типу и его проявлениям в современной российской правовой действительности. **Ключевые слова:** правопонимание, типы правопонимания, либертарно-юридический тип, естественно-правовой тип, легистский тип.

В научном правовом сообществе обсуждается проблема значения конкретных позиций правопонимания для современной правовой ситуации в Российской Федерации. Это действительно важно, потому что базовые принципы понимания права в конечном счете влияют на решения, определяющие жизнь общества и качество политико-правовых отношений. Данная проблема имеет давнее происхождение. На протяжении двух столетий в нашей стране борются две ведущие правовые тенденции: это идея легизма, с одной стороны, и либертаризма, с другой. Необходимо кратко охарактеризовать ключевые

типы правопонимания, опираясь на положения работы В. В. Лапаевой [1], где проанализированы концепции правопонимания.

Начнем с характеристики правопонимания *либертарно-юридического* типа, доминирующего в современном демократическом обществе и поддерживаемый определенным числом российских правоведов (В. С. Нерсисянц [2], В. В. Лапаева, А. Н. Нечаев [3]). Данный тип правопонимания базируется на принципе формального равенства, на том, что право — всеобщая и необходимая форма свободы, а вовсе не те формы поведения, которые разрешены государством.

UDC 340.111

The importance of the principles of legal understanding for modern Russian law

Volodin Kirill Al'bertovich, student, Murom Institute (branch) of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs
lliriknidolov@gmail.com

Annotation: In this article, the author considers the main types of legal understanding. Special attention is paid to the legist type and its manifestations in the modern Russian legal reality. ***Keywords:*** legal understanding, types of legal understanding, libertarian-legal type, natural-legal type, legist type.

Следующий тип правопонимания — *естественно-правовой* (Н. А. Бердяев [4], С. С. Алексеев [5], И. А. Ильин [6]). Эта концепция характерна тем, что понятия «право» и «закон» не только не тождественны, но и зачастую противопоставляются друг другу, а источники права находятся в самой природе вещей, человека, общества, а не в волеизъявлении законодателя. Данный тип правопонимания имеет длительную историю и воплощается в учении о естественных правах и свободах человека. Следует заметить, что такой взгляд на права и свободы приобрел широкое признание и отражен во многих международных и национальных нормативно-правовых актах. В частности, это харак-

терная черта Конституции РФ 1993 г., в которой уделено большое внимание естественным правам и свободам человека.

И, наконец, *легистский* тип правопонимания (Г. Ф. Шершеневич [7]). Не случайно мы говорим о нем именно сейчас, так как его проявления находят место в современном российском законодательстве и правоприменении и это несмотря на следование либертарным тенденциям и конституцию с выраженной естественно-правовой ориентацией. Сущностная черта легистского типа правопонимания подразумевает явное или неявное отождествление права и закона, связанного с волей государства, правителя.

Профессор П. П. Баранов в своей работе

«Легистский позитивизм современной России» [8] отмечает, что Конституция РФ в ч. 3 ст. 55 устанавливает субъективные права и свободы человека высшей неотчуждаемой ценностью [9]. Однако она допускает те или иные ограничения провозглашенных неотъемлемых прав и свобод в целях защиты основ конституционного строя в специально оговоренных случаях. Примечательно то, что само государство регламентирует и устанавливает упомянутые случаи. В этом и проявляется легистский подход. Кроме того, стоит упомянуть, что массив действующих законов и прочих нормативно-правовых актов на территории нашей страны постоянно увеличивается, и это, по мнению П. П. Баранова, связано с устоявшимся позитивистским стереотипом нашего общества, в рамках которого закон регулирует все, начиная от борьбы с преступностью и заканчивая улучшением благосостояния людей. Это прослеживается и в результатах социологических опросов на данную тему, которые показывают доминирование легистской тенденции, выражающейся в формуле «хороший закон — улучшение жизни».

Далее, можно выделить следующие его проявления — закрытость власти, а также такие действия Депутатов Государственной Думы, как систематическое внесение на рассмотрение нижней палаты парламента спорных законопроектов, зачастую дискредитирующих саму идею парламентаризма. П. П. Баранов приводит примеры таких законопроектов: проект перекраски Кремля в белый цвет, изменение цвета российского флага, население «умира-

ющих» деревень китайцами, законодательное закрепление понятия «враг народа», ограничение «плохих новостей» в средствах массовой информации.

С. В. Самодин [10] также указывает на то, что с принятием реформы местного самоуправления 2003–2009 гг. муниципальное управление подверглось огосударствлению, а именно: проявилась тенденция ограничения самостоятельности местного самоуправления. Кроме того, законом предусматриваются формы прямого регулирования вопросов местного значения субъектами РФ.

Профессор Е. С. Шугрина подчеркивает, что в соответствии с поправками к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [11] делегирование замещает выборность, модели местного самоуправления стандартизируются. В этом же ряду стоит реформа 2005 г., когда по инициативе Президента в России были временно отменены выборы губернатора, вследствие чего население утратило возможность избирать глав исполнительной власти, а государственная власть на местах окрепла. Еще одним ярким признаком легизма в современной России является длительная несменяемость власти, что противоречит принципу политического плюрализма, установленного Конституцией.

Стоит сказать и про одну из важнейших поправок к основному закону, вступивших в силу в 2020 г. — обнуление сроков правления действующего Президента РФ. Она была внесена с подачи депутата В. В. Терешковой и теоретически позволяет В. В. Путину со-

хранять за собой президентский пост и после 2024 г. [12]. Как отмечает профессор Г. Т. Хайруллин, таким образом было предложено открыто признаться о стремлении продлить сроки президентства, хотя нормы Конституции запрещали подобное решение (эти процессы наблюдались в Египте, Боливии, Венесуэле и в других странах) [13].

Аналогичной позиции придерживается и М. Х. Фарукшин, говоря о проблеме транзита власти в России, он приходит к выводу о том, что мировой опыт автократии в манипулировании конституционным законодательством и преодолении ограничений сроков президентских полномочий довольно богат. Он притягателен для стран с неразвитой политической системой, слабыми гражданскими и политическими институтами, неорганизованной оппозицией и молчаливым большинством. В основе их устройства лежат низкая, отвергающая демократию политическая культура и персоналистский режим [14].

В контексте конституционной реформы обозначим и проблему взаимодействия международного и внутригосударственного права. Разрешение вопроса о соотношении норм обеих систем права ставится в зависимость от выбранного ракурса — национального или международного [15]. Факт признания международного права частью российской правовой системы ознаменовал ее вхождение в международное сообщество цивилизованных государств. Несмотря на положение, закрепленное в ч. 4 ст. 15, не признается за международным правом приоритет над Конституцией РФ. Поэтому закрепление в ст. 79 оговорки

о безусловности действия решений межгосударственных органов в России продиктовано рядом судебных казусов об исполнении (невозможности исполнения) решений ЕСПЧ, рассмотренных Конституционным Судом РФ. Однако действующая формулировка ст. 79 видится неудачной, поскольку отсутствие четких критериев «противоречия» позволит российским властям злоупотреблять данной нормой. В литературе предлагаются более точные и недвусмысленные формулировки с точки зрения юридической техники, не принятые российским законодателем [16].

Необходимо понимать, что легизм в нашей стране имеет объективную почву. В первую очередь это связано с огромной территорией и большим народонаселением, что обуславливает тенденцию укрепления центральной государственной власти. Во-вторых, существует определенная преемственность монархических и крепостнических традиций, советского опыта, формировавших убеждение в том, что власть имеет право решать жизненно важные вопросы за общество. Кроме того, трудности естественного становления и развития гражданского общества в нашей стране также являются причиной возникновения проявлений легизма.

Значительной частью научного сообщества признано, что легистский тип правопонимания опасен для общества и личности. Поэтому следует обратиться к его антиподу — либертарно-юридической концепции, которая наиболее востребована современной социально-правовой практикой. Ее роль в развитии современного права

сложно переоценить, независимо от личных предпочтений и взглядов. Законодательство большинства стран следует принципам именно этого типа осознания права, но не потому, что так решает узкий круг лиц и публичная власть, а в силу глобальной тенденции. Либертаризм подразумевает не только максимальную свободу индивида, в содержании этой концепции существует положение о том, что «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого». Безусловно, правовые издержки можно обнаружить и в этом подходе, но на данный период

проявления легизма представляются куда более опасными.

В заключение отметим, что выработка принципиальных основ построения правовой системы нуждается в консолидации усилий государства и общества. Особое значение приобретает активность гражданского общества, его институтов, поскольку пассивность также способствует легистским тенденциям, объективно присущих государственному аппарату. Либертарная концепция отвечает потребностям всех слоев населения как правых, так и левых взглядов.

Примечания

1. См.: Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012, 578 с.

2. См.: Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. N 3. С. 3–15.

3. См.: Нечаев А. Н. Ценность права с позиции либертарно-юридической концепции правопонимания, разработанной академиком В. С. Нерсесянцем // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. N 6 (98). С. 222–226.

4. См.: Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность / составление и комментарии В. В. Сапова. М.: Канон-плюс, 1999. 464 с.

Notes (transliteration)

1. See: Lapayeva V. V. *Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika*. Moscow, 2012, 578 p. (in Russ.).

2. See: Nersesyants V. S. *Voprosy filosofii*, 2002, no. 3, pp. 3–15 (in Russ.).

3. See: Nechayev A. N. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2011, no. 6 (98), pp. 222–226 (in Russ.).

4. See: Berdyayev N. A. *Novoye religioznoye soznaniye i obshchestvennost'*. Moscow, 1999, 464 p. (in Russ.).

5. See: Alekseyev S. S. *Sobraniye sochineniy. Tom 7: Filosofiya prava i teoriya prava*. Moscow, 2010. 520 p. (in Russ.).

6. See: Il'in I. A. *Teoriya prava i gosudarstva*. Moscow, 2014. 550 p. (in Russ.).

5. См.: Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справочный том]. Т. 7: Философия права и теория права. М.: Статут, 2010. 520 с.

6. См.: Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с биогр. очерком В. А. Томсинова. 2-е изд., доп. М.: Зерцало-М, 2014. 550 с.

7. См.: Каранович М. К., Працко Г. С. Исследование права и особенности правопонимания Г. Ф. Шершеневича // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. N 8. С. 108–111.

8. Баранов П. П. Легистский позитивизм в современной России // Северо-Кавказский вестник. 2015. N 1. С. 9–15.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Самодин С. В. Основные тенденции и противоречия реформы местного самоуправления в России // Власть. 2007. N 7. С. 9–11.

11. Шугрина Е. С. Самостоятельно ли население в определении структуры местного самоуправления // Актуальные проблемы российского права. 2015. N 12 (61). С. 41–51.

12. См. подробнее об этом: Новый срок для президента. Что важно знать. URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 10.03.2021).

13. См.: Хайруллин Г. Т. О содержании конституционных поправок // Проблемы науки. 2020. N 7 (55). С. 51–57.

7. See: Karanovich M. K., Pratsko G. S. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, 2019, no. 8, pp. 108–111 (in Russ.).

8. Baranov P. P. *Severo-Kavkazskiy Vestnik*, 2015, no. 1, pp. 9–15 (in Russ.).

9. Constitution of the Russian Federation. *Access from the reference legal system «Consul'tant-Plyus»* (in Russ.).

10. Samodin S. V. *Vlast'*, 2007, no. 7, pp. 9–11 (in Russ.).

11. Shugrina E. S. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*, 2015, no. 12 (61), pp. 41–51 (in Russ.).

12. URL: <https://www.rbc.ru> (date of application: 10.03.2021) (in Russ.).

13. See: *Khayrullin G. T. Problemy nauki*, 2020, no. 7 (55), pp. 51–57 (in Russ.).

14. See: Farukshin M. Kh. *Politicheskaya nauki*, 2019, no. 4, pp. 240–261 (in Russ.).

15. See: Likhachev M. A. *Rossiyskiy yuridicheskij zhurnal*, 2020, no. 3, pp. 30–44 (in Russ.).

16. Pinchuk A. P. *Skif. Voprosy studencheskoy nauki*, 2020, no. 11 (51), pp. 168–172 (in Russ.).

14. См.: Фарукшин М. Х. Сроки президентских полномочий, или бессрочная верховная власть // Политическая наука. 2019. N 4. С. 240–261.

15. См.: Лихачев М. А. Международное и внутригосударственное право: есть ли первый среди равных? // Российский юридический журнал. 2020. N 3. С. 30–44.

16. Пинчук А. П. О соотношении международного права и национального права РФ в контексте конституционной реформы 2020 г. // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. N 11 (51). С. 168–172.